Понятие неопределённого процессуального статуса участников уголовного судопроизводства в контексте структурного анализа процессуального статуса

Лебин Василий Витальевич
Аспирант, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Qwerty5L@mail.ru

В статье анализируется проблема участия в уголовном судопроизводстве лиц, процессуальный статус которых в УПК РФ не закреплён исчерпывающе и однозначно, что обусловливает фрагментарность их правовых возможностей и уязвимость законных интересов. Актуальность исследования определяется необходимостью теоретического осмысления феномена «неопределённого процессуального статуса» и выработки критериев его выявления как предпосылки для повышения эффективности гарантий прав.
Результаты. Уточнена структура уголовно-процессуального статуса и обосновано, что неопределённость статуса проявляется в неполноте либо несогласованности нормативного закрепления одного или нескольких указанных элементов. Сформулировано авторское определение категории «неопределённый процессуальный статус», раскрыты причины её возникновения и правовые последствия для реализации и защиты законных интересов лиц, вовлечённых в процесс «вне статуса». Предложена классификация соответствующих групп участников и показаны типовые ситуации, в которых объём их защиты фактически зависит от усмотрения должностных лиц, что повышает риск произвольных ограничений прав.
Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальный статус, неопределенный статус, процессуальные права и обязанности, законные интересы, правовые гарантии, правосубъектность.

Введение

Оптимальное нормативное закрепление статуса каждого участника уголовного процесса во многом предопределяет достижение целей и решение задач уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальный статус определяет правовое положение лица в уголовном процессе, представляя собой совокупность принадлежащих ему прав, обязанностей и других элементов, установленных уголовно-процессуальным законом. В науке уголовного процесса понятия *«правовой статус»* и *«правовое положение»* участника признаются равнозначными. Каждый участник, вступая в уголовно-процессуальные отношения, помимо общего правового статуса личности, приобретает специальный статус, определяемый Конституцией РФ и нормами уголовно-процессуального права.

В теории предложены различные дефиниции статуса участника процесса. Так, В.М. Корнуков определял уголовно-процессуальный статус как «закреплённое нормами уголовно-процессуального права положение гражданина в уголовном судопроизводстве, в котором выражается типичность процессуального положения всех участвующих в деле лиц, проявляющаяся в признаках гражданства, правоспособности, дееспособности, а также в правах, законных интересах, обязанностях, гарантиях их осуществления и ответственности» [1, с. 58]. По мнению Л.Д. Кокорева, статус участника включает совокупность процессуальных прав и обязанностей, законных интересов, процессуальной право- и дееспособности, а также систему правовых гарантий [2, с. 47]. Иными словами, структура статуса охватывает весь спектр возможного поведения участника – от предоставленных прав (свобод) до возложенных обязанностей и ответственности, при наличии необходимых предпосылок правосубъектности.

Ключевым ориентиром для определения статуса служит процессуальная функция участника в судопроизводстве. Выполняемая роль (функция) – например, функция обвинения, защиты, правосудия или содействия правосудию – предопределяет объем его полномочий и характер обязанностей. В зависимости от функции закон ставит перед субъектом определенные задачи и наделяет соответствующими полномочиями. Задачи участника процесса представляют собой цели и обязанности, вытекающие из его функции и направляющие деятельность данного лица. Хотя УПК РФ напрямую не устанавливает индивидуальные задачи для каждого вида участников, их содержание выводится из общего назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и норм, регламентирующих деятельность конкретных субъектов. Как отмечал М.С. Строгович, «каждое процессуальное лицо выполняет в уголовном судопроизводстве строго определённую функцию, соответствующую его правовому положению», и именно из выполняемой функции вытекает содержание задач, стоящих перед ним [4, с. 58]. В развитие этой мысли В.М. Корнуков подчёркивал, что задачи участников определяются не произвольно, а вытекают из назначения уголовного процесса и закреплены в его общих целях [1, с. 58]. Например, следователь призван всесторонне, полно и объективно расследовать преступление, тогда как защитник обязан обеспечивать реализацию права подозреваемого или обвиняемого на защиту. Правильно выбранная и нормативно закреплённая процессуальная задача придаёт смысл действиям участника и определяет допустимые пределы его активности. Как отмечает О.В. Гладышева, именно функциональная направленность деятельности «придаёт смысл действиям участника, определяет их логику и допустимые пределы», обязывая сообразовывать с поставленной задачей все свои процессуальные действия [5, с. 126-127].

В действующем законодательстве прослеживается преемственность советской модели распределения ролей. УПК РФ, формулируя назначение уголовного судопроизводства, связывает объем прав и обязанностей участников с их процессуальными ролями и целями производства. Структура раздела II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства» выстроена по функциональному принципу: главы 5–8 разграничивают суд, сторону обвинения, сторону защиты и иных участников, институционально увязывая функцию с соответствующими полномочиями. Аналогичный подход содержал

УПК РСФСР 1960 г. (гл. 3 «Участники процесса, их права и обязанности» в сочетании со ст. 2 «Задачи уголовного судопроизводства»), откуда также выводилась функциональная направленность деятельности субъектов. Таким образом, уголовно-процессуальный статус участника исторически и логически строится вокруг выполняемой функции и вытекающих из нее задач.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на практике процессуальное положение далеко не всех лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, соответствует полной модели статусных элементов. Законодатель, стремясь не усложнять УПК чрезмерным перечнем фигур, не всегда напрямую закрепляет статус каждого вовлеченного лица. В результате образуется категория участников с *неопределённым процессуальным статусом*, чьи права, обязанности и гарантии нормативно очерчены не полностью. Отсутствие четкого статуса таких лиц порождает риски ущемления их прав и законных интересов, что противоречит задачам уголовного судопроизводства и принципам справедливости. Таким образом, цель работы состоит в формулировании понятия «неопределённый процессуальный статус участника уголовного судопроизводства», выявлении его структурных элементов и анализе причин возникновения и последствий данного явления. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть общетеоретическое понятие и структуру уголовно-процессуального статуса участника; определить, каких именно элементов лишены отдельные категории участников с неопределённым статусом; классифицировать группы таких участников и охарактеризовать проблемы, возникающие вследствие неполноты их правового положения.

Методы

Исследование основано на общенаучном диалектическом методе познания социальных явлений в их развитии и взаимосвязи, а также на специальных методах юридической науки. Применены формально-юридический метод и системный подход к структуре правового положения личности. Использован сравнительно-правовой и историко-правовой методы при сопоставлении советской и современной модели законодательства, что позволило выявить преемственность и пробелы в правовом регулировании статуса отдельных участников. Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и иные законодательные акты, а также положения УПК РСФСР в части регламентации статуса участников. Теоретическую базу работы сформировали труды отечественных ученых-процессуалистов, в частности работы В.М. Корнукова, Л.Д. Кокорева, М.С. Строговича, О.В. Гладышевой, М.Н. Марченко, Л.Н. Масленниковой, Л.А. Морозовой, А.А. Самохвалова, О.А. Зелениной, Г.Н. Ветровой, И.В. Смольковой и др., посвященные проблемам правового статуса участников уголовного судопроизводства. При работе с научными источниками применялся метод сравнительного анализа различных точек зрения и дефиниций, что способствовало формированию авторского определения изучаемого понятия.

Результаты

Уголовно-процессуальный статус участника процесса представляет собой систему нескольких взаимосвязанных элементов, определяющих его положение. К числу основных элементов статуса относятся: **правосубъектность**, **процессуальные права (свободы)**, **законные интересы**, **процессуальные обязанности**, **гарантии прав** и **процессуальная ответственность**. Совокупность этих компонентов в идеале присуща каждому полноправному участнику уголовного судопроизводства.

Правосубъектность (уголовно-процессуальная де- и правоспособность) является исходным условием участия лица в процессе. Только обладающее правосубъектностью лицо может приобрести процессуальный статус участника. Так, в научной статье А.И. Петровой приводит мнение ученного М.Н. Марченко, который справедливо отмечал, что «только законом может устанавливаться и признаваться то особое юридическое качество, которое позволяет лицу или организации стать субъектом права» [7]. Данный элемент включает две составляющие: **процессуальную правоспособность** – способность лица быть носителем предусмотренных законом процессуальных прав и обязанностей, и **процессуальную дееспособность** – способность самостоятельно осуществлять эти права, исполнять обязанности и нести ответственность за их неисполнение. Правоспособность в уголовном процессе в общем случае возникает с момента рождения и прекращается со смертью лица (по аналогии с гражданско-правовым статусом). Специальный процессуальный статус (например, обвиняемого, потерпевшего и др.) появляется при наступлении установленных УПК условий – таких как вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого либо о признании потерпевшим. Объем процессуальной правоспособности зависит от характера интереса и роли участника. К примеру, подозреваемый приобретает статус лишь при достижении возраста, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности (как правило 16 лет, в отдельных случаях – 14 лет). Напротив, потерпевший или иное лицо, отстаивающее собственные интересы, обладает общей правоспособностью с рождения, и для их участия в деле возрастного ценза не требуется [7, с. 31].

Процессуальные права и свободы составляют центральный содержательный элемент статуса. Субъективные права участника – это предусмотренные УПК возможности действовать определенным образом в установленных законом процессуальных ситуациях либо воздерживаться от действий [8, с. 87-89]. Процессуальная *свобода*, по сути, выступает частью тех же прав, выражая возможность выбора варианта поведения в пределах, установленных законом. Как отмечал М.С. Строгович, «свобода личности – это тоже право личности, вид её прав», то есть свобода в уголовном процессе конкретизируется через систему предоставленных законом прав [9, с. 237]. Например, обвиняемый обладает свободой в выборе защитника, потерпевший – решать, подавать или нет гражданский иск, и т.п.. Таким образом, права и свободы участника представляют собой юридически закрепленные варианты допустимого поведения, которыми он может воспользоваться по своему усмотрению [8, с. 87-89].

Законные интересы занимают особое место среди элементов статуса, дополняя субъективные права. Законный интерес понимается как признанное и охраняемое законом стремление участника добиться определённого блага или результата в процессе. Так, Л.Н. Масленникова определяла интерес как «осознанное побуждение действовать или бездействовать, порождаемое конкретной потребностью достичь какого-либо блага» [10, с. 249]. Также О.В. Гладышева считает, что законные интересы в уголовном судопроизводстве – это *«поощряемые законом устремления к достижению определённой цели»* [5, с. 126-127]. Иными словами, законный интерес – это легитимная цель, к которой стремится участник, и которая охраняется государством даже при отсутствии у него конкретного субъективного права на данное благо. Соотношение субъективных прав и законных интересов является дискуссионным вопросом. Многие ученые отмечают, что эти категории близки, но не тождественны: интерес может защищаться государством самостоятельно, помимо конкретного права. С одной стороны, законный интерес можно рассматривать как элемент существующих прав, с другой – как самостоятельное явление. Так, А.А. Самохвалов приходит к выводу, что субъективное право участника реализуется при наличии законного интереса, то есть интерес выступает предпосылкой и способом осуществления принадлежащих гражданину прав и свобод [11, с. 115]. Следовательно, субъективное право является более широким понятием, охватывающим весь набор возможностей, тогда как законный интерес конкретизирует направление реализации права, особенно в тех случаях, когда прямая норма, закрепляющая определенное полномочие, отсутствует [12, с. 44]. В условиях современного уголовного процесса, построенного по разрешительному принципу, объем усмотрения для реализации интересов несколько сужается по сравнению с субъективными правами. Тем не менее, институт законного интереса играет важную роль, позволяя вовлечь в орбиту процессуальной деятельности лиц, чьи права непосредственно законом не урегулированы. Например, право заявлять ходатайства предоставлено не только участникам, перечисленным в главах 6–8 УПК РФ, но и *«иному лицу, чьи права и законные интересы затронуты»* в ходе производства (ч. 1 ст. 119 УПК РФ). Хотя у такого лица нет специального статуса, закон через категорию интереса фактически наделяет его ограниченными процессуальными возможностями. Аналогично, после смерти обвиняемого его родственники вправе добиваться реабилитации умершего – исходя из своего законного интереса в восстановлении доброго имени покойного; закон прямо предоставляет им такое право, несмотря на то что формально они не являются ни потерпевшими, ни обвиняемыми. Таким образом, концепт законного интереса служит своего рода компенсационным

механизмом, частично восполняющим пробелы статусных правомочий.

Гарантии прав – неотъемлемый элемент статуса, обеспечивающий реализацию прав и законных интересов участников. Уголовно-процессуальные гарантии представляют собой систему законодательно установленных средств и способов, которые обеспечивают достижение задач судопроизводства и осуществление каждым участником своих прав и обязанностей. Ключевым признаком гарантий является их нормативность: это именно закрепленные в законе юридические средства охраны прав. Так, Ижнина Л. П. и Абазалиев И. М. отмечают, что *«нормативность — необходимый и наиболее важный признак, предъявляемый к средствам обеспечения прав субъектов уголовного судопроизводства»* [13]. По сути, уголовно-процессуальные гарантии – это совокупность норм, которые, с одной стороны, устанавливают и прямо закрепляют права участников, а с другой – предусматривают меры реагирования на их нарушение (санкции, процедуры обжалования и др.) [14, с. 54-58]. Уже сам факт закрепления в законе ключевых прав (например, право обвиняемого на защитника, право заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с материалами дела и пр.) выступает гарантией их соблюдения. Кроме того, к гарантиям относятся нормы о санкциях за нарушение прав и о механизмах процессуального контроля: например, возможность наложения денежного взыскания за неисполнение обязанностей или нарушение порядка заседания (ст. 117–118 УПК РФ), меры воздействия за нарушения порядка в суде (ст. 258 УПК РФ), прокурорский и судебный контроль посредством рассмотрения жалоб (ст. 124–125 УПК РФ). Эти инструменты образуют жесткий каркас для реализации предоставленных участнику прав. В литературе обращается внимание и на обеспечение реальности права на защиту: так, подчеркивается обязанность органов удовлетворять обоснованные ходатайства обвиняемого или защитника как элемент механизма гарантий [12, с. 131, 140]. В целом доктрина исходит из того, что любой предоставленный участнику «позитивный» процессуальный инструмент сам по себе является гарантией, поскольку законодатель не только разрешает соответствующее поведение, но и создает механизм его защиты, принуждая иных субъектов уважать данное право.

Процессуальные обязанности участника являются обязательным компонентом его статуса наряду с правами. Если права предоставляют субъекту свободу действий в интересах достижения целей процесса, то обязанности устанавливают требования к его поведению, за нарушение которых наступают негативные последствия. Обязанности представляют собой предусмотренные законом требования совершать определенные действия или воздерживаться от них – меру должного поведения участника. Права и обязанности тесно взаимосвязаны и корреспондируют друг другу, образуя единый комплекс статуса [7, с. 58, 225-226]. Каждой обязанности одного участника соответствует право другого: реализация права возможна только при надлежащем исполнении встречной обязанности. Так, осуществление потерпевшим права на возмещение ущерба предполагает исполнение обвиняемым обязанности возместить вред при доказанности его вины; право подсудимого на последнее слово корреспондирует обязанности суда предоставить ему эту возможность и выслушать заключительное слово подсудимого. Права и обязанности участников равноправно входят в их статус и не имеют приоритета одного над другим.

Обязанности участников могут быть прямо закреплены нормами УПК РФ либо вытекать из общих принципов и логики процесса. Многие процессуальные обязанности детально регламентированы законом – в частности, обязанность потерпевшего говорить правду (ст. 42 УПК РФ), обязанность свидетеля явиться по вызову и дать показания (ст. 56 УПК РФ), обязанности по соблюдению порядка судебного заседания и т.д. Наряду с прямыми предписаниями, на участников распространяются общие требования добросовестного осуществления своих прав и недопустимости злоупотребления ими (это положение вытекает из принципов уголовного судопроизводства и разъясняется судебной практикой) [15, с. 66]. Таким образом, процессуальную обязанность можно определить как установленную УПК РФ и императивно обязательную для участника совокупность действий (или воздержания от действий), направленных на достижение целей уголовного судопроизводства [16, с. 88]. Невыполнение возложенных обязанностей нарушает нормальный ход правосудия и влечет предусмотренные законом последствия.

Процессуальная ответственность является завершающим элементом статуса, своеобразным «стражем» исполнения обязанностей. Применение мер ответственности гарантирует обязательность модели должного поведения участника. В доктрине дискутируется вопрос о самостоятельном характере уголовно-процессуальной ответственности [17, с. 33-35]. Существенная часть авторов признает ее особым видом юридической ответственности, наступающей именно за нарушение норм УПК РФ. Сущность этой ответственности заключается в том, что она реализуется в рамках уголовно-процессуальной деятельности: выражается либо в понуждении участника исполнить обязанность, либо в применении к нему санкций за неисполнение [18, с. 67-69]. Так, О.А. Зеленина подчеркивает нормативно-правовую обусловленность и основания наступления такой ответственности, а Лифанова Л. Г. описывает ее как гарантию исполнения процессуальных обязанностей всеми субъектами процесса [18, с 70-73; 19, с. 405]. Формы реализации ответственности в действующем праве проявляются через меры процессуального принуждения, прямо связанные с конкретными обязанностями участника: например, денежное взыскание за уклонение от выполнения обязанностей (ст. 117–118 УПК РФ), принудительный привод при неявке без уважительных причин (ст. 113 УПК РФ), меры воздействия за нарушение порядка судебного заседания (включая удаление подсудимого или отключение его видео-связи при обеспечении права на последнее слово – ст. 258 УПК РФ) [17, с. 73-75]. Эти механизмы рассматриваются как *«охранительный»* инструментарий, призванный обеспечить соблюдение процессуальных обязанностей и тем самым защиту прав участников [17, с. 73-75]. Соответственно, уголовно-процессуальную ответственность можно определить как совокупность установленных УПК РФ мер государственного воздействия (принуждения), применяемых к участнику процесса за неисполнение либо ненадлежащее исполнение им процессуальных обязанностей и выполняющих функцию поддержания дисциплины и достижения целей судопроизводства.

Обозначенные выше элементы в совокупности образуют содержание уголовно-процессуального статуса любого участника уголовного судопроизводства. Если лицо обладает правосубъектностью, реализует предоставленные ему права, свободы и законные интересы, пользуясь предусмотренными законом гарантиями, исполняет возложенные обязанности и несет ответственность за их нарушение – оно является полноправным субъектом процессуальных отношений. Однако, как было отмечено, далеко не все лица, фактически вовлекаемые в уголовный процесс, обладают такой полноценной *«моделью»* статуса. В уголовно-процессуальной доктрине и законодательстве выделяется ряд категорий участников, у которых тот или иной элемент статуса отсутствует или выражен неполно. Для обозначения таких случаев используется термин **«неопределённый процессуальный статус»** участника уголовного судопроизводства.

Под *неопределённым процессуальным статусом* понимается особое правовое состояние участника уголовного процесса, для которого характерна неполнота либо неопределённость законодательного закрепления структурных элементов его статуса. Иными словами, правовое положение такого лица не образует завершенной системы из правосубъектности, конкретных прав, обязанностей и гарантий, что препятствует ему в полной мере реализовывать и защищать свои права и законные интересы. Проблема неопределенного статуса возникает в тех случаях, когда закон либо вовсе не наделяет лицо специальным положением участника процесса, либо очерчивает его права и обязанности лишь фрагментарно. Таких ситуаций в уголовном судопроизводстве складывается немало, учитывая сложность предусмотреть в УПК абсолютно все роли и случаи участия различных лиц.

Так, И.В. Смолькова выделила несколько групп участников с неопределенным статусом, к таким относятся [20, с. 206-209]:

—Участники, формально указанные в разделе II УПК РФ, но чье правовое положение урегулировано неполно.

—Лица, не перечисленные среди участников в главах 6–8 УПК РФ, но упоминаемые в других нормах как участники отдельных процессуальных действий или отношений.

—Лица, вообще не упомянутые в УПК РФ, но фактически вступающие в процессуальные отношения.

—Лица, которые потенциально могли бы быть участниками процесса, однако действующим правом не предусмотрены.

Выделенные группы показывают, что неопределенный статус – явление разнохарактерное. **Главная объективная причина** его существования заключается в том, что законодатель не в силах исчерпывающе предвидеть все возможные ситуации и роли, возникающие при расследовании и разрешении уголовных дел. Закон фокусируется на ключевых фигурах процесса (органах расследования, суде, основных участниках со стороны обвинения и защиты и пр.), оставляя за рамками ряда эпизодических или побочных участников. Иногда сознательно принимается решение не усложнять текст УПК включением каждой потенциальной фигуры, рассчитывая, что пробелы будут восполняться практикой и гибким толкованием общих норм. Однако, подобная неопределённость статуса влечёт существенные **проблемы** с точки зрения соблюдения прав.

Тем не менее, неопределённость статуса ведёт к ряду проблем. Прежде всего, такие лица нередко лишены процессуальной правосубъектности в строгом смысле: поскольку закон не называет их участниками процесса, формально они не обладают полным объёмом правоспособности и дееспособности в данном уголовном деле. Например, заявитель преступления – любое дееспособное лицо вправе подать заявление о преступлении, но после принятия заявления он не считается участником процесса, а значит, не имеет прав требовать каких-либо процессуальных действий, представлять доказательства, обжаловать отказ в возбуждении дела (хотя последнее право в ряде случаев предоставлено судебной практикой в порядке ст. 125 УПК). Фактически, у заявителя есть лишь фактический интерес – добиваться расследования, но его реализация зависит целиком от воли следователя. Если заявление необоснованно не принимают, заявитель лишён возможности активно повлиять на ситуацию (кроме как жаловаться вышестоящему начальству). Это означает ущемление его права на доступ к правосудию, проистекающего из конституционного права на защиту своих нарушенных интересов.

Во многих случаях у лиц с неопределённым статусом отсутствует определённый набор прав и обязанностей. УПК РФ попросту не закрепляет за ними никаких прав, что ставит их в крайне уязвимое положение. Например, владельца арестованного имущества: законодатель прямо не наделил правами возражать против ареста, участвовать в судебном заседании при рассмотрении вопроса об аресте имущества, представлять доказательства в свою защиту. На практике суды могут учитывать его доводы, но по закону он не заявлен как участник этого производства (ч. 3 ст. 115 УПК ПФ называет его “лицом, не являющимся участником судопроизводства”). В результате защита его имущественных интересов оказывается достаточно ограниченной и во многом зависит от усмотрения соответствующих должностных лиц. Аналогично, близкие родственники обвиняемого или потерпевшего, присутствующие при следственных действиях, или иные лица, чьи права затронуты следственными действиями, – их участие предусмотрено законом (напрямую или косвенно), но объем их прав непонятен. Обычно им позволяется присутствовать, но они не могут, к примеру, заявлять отводы, ходатайства, если только не обратиться к общему праву подачи жалобы по ст. 125 УПК РФ.

Отсутствие четких гарантий прав для таких лиц – ещё одна проблема. Поскольку их права не определены, то и механизмы защиты этих прав не разработаны. Если должностное лицо игнорирует их интересы, формально нельзя сослаться на норму закона, требующую учета мнения или соблюдения прав этого лица. Следовательно, контроль и надзор за соблюдением их интересов осложнён. Это противоречит принципу справедливости: права любого, чьи интересы затронуты решением, действием, бездействием, должны быть защищены, иначе доверие к правосудию снижается.

Обобщая, все вышесказанное, можно дать следующее определение термину «неопределенный процессуальный статус» - особое правовое состояние участника уголовного процесса, характеризующееся неполнотой либо отсутствием законодательного закрепления структурных элементов его статуса (правосубъектности, процессуальных прав, обязанностей или гарантий), что препятствует данному лицу в полной мере реализовывать и защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе. Выделение и теоретическое осмысление категории неопределенного статуса позволяет обозначить круг проблемных фигур в уголовном процессе, требующих внимания законодателя и правоприменителя.

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что институт уголовно-процессуального статуса нуждается в дальнейшем развитии для учета всех лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. С одной стороны, полностью устранить неопределенность статуса затруднительно – уголовно-процессуальный закон не может предусмотреть абсолютно каждую возможную процессуальную роль без ущерба для его кодификационной стройности. С другой стороны, оставление ряда лиц вне четкого правового поля ведет к рискам нарушения их конституционных прав и подрывает принципы справедливости. В литературе предпринимаются попытки предложить решения – от точечного расширения перечня участников до использования общих категорий, таких как *«иное заинтересованное лицо»*, для наделения их базовыми правомочиями. Например, предлагалось внедрить в отечественный процесс фигуру *amicus curiae* – третьей стороны, предоставляющей экспертное мнение суду, – однако пока эти идеи не получили законодательного воплощения [21, с. 39]. На практике частичным компенсатором выступает концепция законного интереса, через которую судами и следственными органами иногда удовлетворяются обращения лиц вне формального статуса (как в случае рассмотрения жалоб заявителей о преступлении или ходатайств иных заинтересованных лиц). Тем не менее, такие подходы не заменяют системного решения.

Обсуждая перспективы, следует признать, что проблема неопределенного статусного положения отражает баланс между принципом процессуальной экономии и необходимостью защиты прав личности. Возможным направлением дальнейших исследований может стать разработка универсальных законодательных критериев для определения минимального набора прав и гарантий для *«иных лиц, интересы которых затрагиваются»* в уголовном процессе. Продолжение научной дискуссии в этом русле позволит выработать рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на устранение выявленных пробелов.

Заключение

В рамках данного исследования сформулировано понятие неопределенного процессуального статуса участников уголовного судопроизводства и проведен анализ его структуры. Установлено, что такой статус характеризуется отсутствием полноты в закреплении ключевых элементов правового положения лица – правосубъектности, процессуальных прав, обязанностей или гарантий. В результате обладатели неопределенного статуса не могут в полной мере реализовать и защитить свои права, оставаясь в *за пределами* уголовного процесса.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении проблемы неопределенного статуса и предложении авторского определения данной категории. Теоретическая значимость результатов состоит в углублении понятия уголовно-процессуального статуса и раскрытии его границ. Практическая значимость заключается в том, что выводы исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной практики: законодатель может рассмотреть возможность более четкого регулирования правового положения отдельных **«иных лиц»**, либо разработки общих норм о минимальных правах лиц, чьи интересы затрагиваются в процессе.

Таким образом, **неопределенный процессуальный статус** следует рассматривать как негативное явление, свидетельствующее о пробелах в правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений. Его наличие требует осторожного подхода со стороны правоприменителя, который должен, по возможности, обеспечивать защиту интересов таких лиц посредством гибкого толкования закона и обращения к принципам справедливости. Дальнейшее исследование обозначенной проблемы и обсуждение возможных путей ее решения будет способствовать укреплению гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Брыляков С.П. Правовой статус личности на стадии возбуждения уголовного дела в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы: понятие и содержание // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3 (70). С. 58.

2. Кокорев Л.Д. Участники уголовного процесса // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. – М., 1987. – с. 38-51.

3. Корнуков В. М. Связь и соотношение общественных и личных интересов в правообеспечительной сфере уголовного судопроизводства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 49–50.

4. Строгович М.С. Права личности в социалистическом обществе / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. – М.: Наука, 1981. – 272 с.

5. Гладышева О. В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6 (87). с. 126–127.

6. Петрова А. И. К вопросу об уникальности человека как подлинного субъекта права // Право и практика. 2023. № 2. с. 13.

7. Зеленина О.А. Соотношение категорий правоспособности и дееспособности в процессуальном статусе участника уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 6. – С. 30–34.

8. Алексеев С.С. Теория права: монография. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 1995. – 311 с.

9. Строгович М.С. Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Проблемы общей теории права. – М.: Наука, 1990. – 304 с.

10. Стефанова Е. Ю. Элементы уголовно-процессуального статуса начальника органа дознания // *Пробелы в российском законодательстве*. 2019. Т. 12, № 3. С. 247–250

11. Самохвалов А.А. Субъективное право и законный интерес в уголовном судопроизводстве: вопросы соотношения и реализации // Вестник экономики, управления и права. – 2024. – Т. 17, № 2. – с. 110-118.

12. Рябоконев С.И. «Законный интерес» как научная проблема уголовного судопроизводства: вопросы терминологии // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 3 (18). – С. 43–46.

13. Ижнина Л. П., Абазалиев И. М. Структурный анализ процессуального положения участника уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 130–135.

14. Овчинников Ю.Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 25. – С. 54–58.

15. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2015. № 3 (17). – 2015. – с. 65-78.

16. Зеленина О.А. К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». – 2011. – № 1. – С. 81–89.

17. Чечина Н.А., Элькинд П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. – 1973. – № 9. – С. 33–35.

18. Зеленина О.А. Процессуальная ответственность в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация // Журнал российского права. – 2012. – № 5 (185). – С. 67–75.

19. Лифанова Л. Г., Гаужаева В. А. Реализация уголовно-процессуальной санкции в правоприменительном процессе // Евразийский юридический журнал. 2025. № 4(203). – с. 405-407.

20. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 205–210.

21. Лысенко В.В. Институт amicus curiae в теории и практике неправительственных организаций и Европейского Суда по правам человека // Российский судья. – 2008. – № 9. – с. 38-42.

The concept of undefined procedural status of participants in criminal proceedings in the context of structural analysis of procedural status

Lebin V.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines the problem of participation in criminal proceedings by individuals whose procedural status is not exhaustively and unambiguously in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which results in a fragmented set of legal possibilities and heightened vulnerability of their legitimate interests. The relevance of the study is determined by the need for a theoretical conceptualization of the phenomenon of an "undefined procedural status" and the development of criteria for identifying it as a prerequisite for improving the effectiveness of rights guarantees.

Results. The structure of procedural status in criminal proceedings is refined, and it is substantiated that status uncertainty manifests itself in the incompleteness or inconsistency of the normative закрепление of one or more of these elements. The author proposes a definition of the category "undefined procedural status," identifies the reasons for its emergence, and outlines the legal consequences for the exercise and protection of the legitimate interests of persons involved in proceedings "outside" a formal status. A classification of relevant groups of participants is presented, and typical situations are demonstrated in which the scope of their protection in practice depends on the discretion of officials, thereby increasing the risk of arbitrary restrictions of rights.

Keywords: Participants in criminal proceedings, criminal procedural status, undefined status, procedural rights and duties, legitimate interests, legal guarantees, legal personality.

References

1. Brylyakov S.P. Legal Status of an Individual at the Stage of Initiation of a Criminal Case in Institutions Executing Sentences of Imprisonment: Concept and Content // Man: Crime and Punishment. 2010. No. 3 (70). P. 58.1.
2. Kornukov V.M. Theoretical and Legal Foundations of the Position of the Individual in Criminal Proceedings: Doctor of Juridical Sciences thesis. Saratov, 1987. 415 p.
3. Kokorev L.D. Participants in Criminal Proceedings. In: Problems of Codification of Criminal Procedure Law. Moscow, 1987. P. 47.
4. Strogovich M.S. Rights of the Individual in a Socialist Society. Ed. by V. N. Kudryavtsev, M. S. Strogovich. Moscow: Nauka, 1981. 272 p.
5. Gladysheva O.V. Theoretical Model of Mechanisms for Ensuring the Rights and Legitimate Interests of the Individual and Citizen in Criminal Proceedings: Doctor of Juridical Sciences thesis abstract. Moscow, 2013. 64 p.
6. Marchenko M.N. Theory of State and Law: textbook. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2008. 592 p.
7. Zelenina O.A. Correlation between legal capacity and active legal capacity in the procedural status of a participant in criminal proceedings. Bulletin of South Ural State University. Series: Law, 2011, no. 6, pp. 30–34.
8. Alekseev S.S. Theory of Law: monograph. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: BEK, 1995. 311 p.
9. Strogovich M.S. Selected Works. In 3 vols. Vol. 1: Problems of the General Theory of Law. Moscow: Nauka, 1990. 304 p.
10. Maslennikova L.N. Public and Dispositive Principles in Russian Criminal Proceedings: Doctor of Juridical Sciences thesis. Moscow, 2000. 555 p.
11. Samokhvalov A.A. Subjective right and legitimate interest in criminal proceedings: issues of correlation and implementation. Bulletin of Economics, Management and Law, 2024, vol. 17, no. 2, p. 115.
12. Ryabokonev S.I. "Legitimate interest" as a scientific problem of criminal proceedings: issues of terminology. Law and Order: History, Theory, Practice, 2018, no. 3 (18), pp. 43–46.
13. Volkolup O.V., Chupilkin, Yu. B. Guarantees of the Rights of Participants in Criminal Proceedings of the Russian Federation: study guide. Krasnodar: Kuban State University, 2005. 160 p.
14. Ovchinnikov Yu.G. System of criminal procedure guarantees. Bulletin of South Ural State University. Series: Law, 2010, no. 25, pp. 54–58.
15. Trubnikova T.V. Abuse of right in criminal proceedings: criteria and limits of state interference. The Russian Judge, 2015, p. 66.
16. Zelenina O.A. On legislative regulation of procedural duties of participants in criminal proceedings. Bulletin of Omsk State University. Series "Law", 2011, no. 1, pp. 81–89.
17. Chechina N.A., Elkind, P.S. On criminal procedural and civil procedural liability. Soviet State and Law, 1973, no. 9, pp. 33–35.
18. Zelenina O.A. Procedural liability in criminal proceedings: content and implementation. Journal of Russian Law, 2012, no. 5 (185), pp. 67–75.
19. Vetrova G.N. Criminal Procedural Liability: Candidate of Juridical Sciences thesis abstract. Moscow: Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, 1981, pp. 7–8.
20. Smolkova I.V. Participants in criminal proceedings with an undefined procedural status. Bulletin of Baikal State University, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 205–210.
21. Lysenko V.V. The institute of amicus curiae in the theory and practice of non-governmental organizations and the European Court of Human Rights. The Russian Judge, 2008, no. 9, p. 39.